

Василий Воронков

ЗАМЕРЗАЮЩИЙ
ОСТРОВ

Василий Владимирович Воронков

Замерзающий остров

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55580502

SelfPub; 2026

ISBN 978-5-532-06012-8

Аннотация

Алиса отправляется на остров посреди океана, чтобы встретиться с возлюбленным, которого не видела много лет. Но депрессия перерастает в шторм, все паромы отменяют, и Алисе остаётся лишь прозябать на заброшенном курорте, ожидая, когда восстановится сообщение с материком. На остров тем временем наступают холода – и вместе с холодами приходит что-то пугающее и потустороннее. Но Алиса упорно верит во встречу с возлюбленным, не замечая, что нечто ужасное происходит не только с островом, но и с ней самой.

Содержание

1	4
2	7
3	12
4	21
5	28
6	51
7	60
8	65
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Василий Воронков

Замерзающий остров

1

Паром отменили.

Она узнала об этом вчера – спустя час после того, как поселилась в номере. Управляющий произнёс длинную путаную речь, которую заменили бы два слова. На материке приняли сложное решение, паромное сообщение приостановлено, никто не мог предугадать, неожиданные обстоятельства, признаки шторма...

Дальше Алиса не слушала.

После слов «сообщение приостановлено» она почувствовала себя смертельно больной, спрятавшейся от нормальных людей на маленьком бетонном острове. А ещё она подумала тогда – какая странная фраза, «признаки шторма» – и представила в стылом небе сияние наподобие северного, только ещё более холодное.

Ветер с утра действительно был пронизывающим.

Паром отменили, и после этого во всей гостинице отрубилась связь. Дозвониться Алиса не успела; в трубке слышался гул ураганного ветра, приближающегося к острову. Они разминулись, и он собирался приехать сегодня, опоздав на

встречу на несколько часов, которые теперь, по чей-то безжалостной прихоти, превратились в вереницу пустых одиноких дней.

Но утром Алиса всё равно пришла к пирсу.

Насквозь синяя, как в облачные сумерки, пристань была пуста. Выцветшие от старости скамейки навязчиво напоминали о том, что здесь никого нет. Длинный пирс, похожий на недостроенный мост через океан, невольно заставлял думать о расстоянии, которое их разделяет. Фонарям не полагалось гореть днём. Всё вокруг поблекло, словно умерло, и Алиса чувствовала, как из-за туманного горизонта приближается темнота.

Она вздохнула и обняла себя за плечи.

Было холодно. Стоило вернуться, пока не поднялся ослабший в преддверии ненастья ветер, но она продолжала смотреть в океан. Казалось, что где-то далеко-далеко, через непонятные морские расстояния, в которых она путалась всё время, есть какое-то движение – смутное, ещё неоформленное, точно причудливый оптический эффект, возникающий из-за преломления света.

– Я жду тебя, – прошептала Алиса.

Она спустилась к пирсу и стала медленно уходить в океан. Волны, пока ещё лёгкие, напоминали рябь от брошенного камня, но вода была непрозрачной и тёмной, без единого отражения. Остров и правда превратился в корабль, который медленное, но настойчивое течение уносит всё дальше

от материка.

Алиса вздрогнула – за спиной прокричала чайка.

Она не одна. И остров не движется. Это ненастный сумрак обманывает уставшие глаза.

Ветер резко поднялся и, растрепав волосы, понёсся вглубь острова, пробиваясь сквозь кроны пальм, расставленных вдоль аллеи в каменных кадках. Алиса подняла голову, как будто и правда ожидала увидеть в небе синие переливы света, холодное северное сияние – но ничего не было.

На остров спускалась темнота.

2

Гостиница походила на заброшенный музей. Восемь этажей основного корпуса и высокая пристройка, напоминающая бессмысленный маяк, указывали на то, что в былые времена остров наводняли туристы. Огромные холлы, двухъярусный ресторан, бар, куда вмещалась добрая треть постояльцев – сегодня Алиса даже не могла представить, что всё здесь бывает заполнено людьми, все столики в ресторане заняты, у регистратуры вытягивается нетерпеливая очередь, а в баре не смолкает болтовня. Она привыкла к тому, что видела сейчас – к пустоте.

В атриуме на первом этаже не оказалось никого, кроме управляющего – да и тот, заметив Алису, взволнованно засуетился, словно прогулки по острову перед штормом запрещались правилами гостиницы. Он хотел что-то сказать – Алиса заметила его напряжённый взгляд, – но передумал и лишь приветственно улыбнулся. Алиса коротко кивнула в ответ и пошла вглубь атриума – мимо старого дивана и карликовой пальмы, мимо стойки регистратуры и вереницы не слишком уместных стеклянных торшеров, которые поставили здесь, потому что по вечерам не хватало света, – как вдруг услышала его гнусавый голос:

– Ну и погода сегодня, не правда ли?

Алиса замешкалась на секунду, думая, стоит ли отвечать

– да и ждут ли вообще люди ответа, задавая такие вопросы, – но всё же обернулась.

– Да, – сказала она. – Было холоднее, чем я думала.

– Но дождь ещё не идёт? – Управляющий произнёс это утвердительным тоном, как если бы и сам понимал бессмысленность их разговора.

– Не идёт, – сказала Алиса.

– Что ж, будем надеяться, что всё это скоро закончится.

Эти синоптики...

Управляющий улыбнулся. Его напомаженные волосы лоснились в свете торшеров.

– Быть может, – проговорила Алиса, – быть может, если шторм всё-таки не начнётся, то и новый паром прибудет пораньше?

– Будем надеяться! – Управляющий так усердно закивал головой, что несколько прядей в его причёске соскользнули на лоб. – Будем надеяться! Не исключено, что вся эта история окажется глупым недоразумением. Ну знаете, вроде канцелярской ошибки. Задерживать паром на столько дней – да где это видано?

– Но связи с материком пока нет?

– Мы работаем над этим! – Управляющий брызнул слюной. – Тут, уверяю вас, вопрос считанных часов, но уж никак не дней!

– Дело в том, что мне должны позвонить...

– Я прекрасно понимаю!

Управляющий отвечал с такой нервной поспешностью, как будто боялся, что Алиса может спросить или вспомнить о чём-то таком, о чём вспоминать не стоит. И всё мигом обнажится. Тщательно сотканная иллюзия разрушится, разойдётся по швам, точно надорванная вуаль – сгинет гостиница, остров, меланхоличная синева дневных сумерек, и он сам, пронзив Алису предсмертным взглядом, растает, как видение. Останется лишь пустота.

– Я прекрасно, прекрасно понимаю! Но сейчас даже радио не ловит совсем. Здесь, правда, и раньше очень плохо ловило радио, почти не ловило, но что-то всё-таки пробивалось, просачивалось сквозь все эти помехи – отдельные станции, какая-нибудь подпорченная посторонними шумами музыка, чьи-то рваные голоса, но сейчас – ничего, совсем ничего, пустота. Тут, я думаю, проблема общая. Все эти, так сказать, атмосферные явления. Я, признаться, не специалист, совсем не специалист. Но, поверьте, связь – это наш главный приоритет сейчас! Так что совершенно не стоит об этом беспокоиться! Над этим уже работают наши лучшие...

– Хорошо. – Алиса силилась улыбнуться.

– Кстати, – управляющий хитро прищурился, – сегодня у нас на вечер большие планы. Постараемся поднять вам настроение, а то...

Но Алиса уже не слушала. Она попрощалась и пошла дальше. Свет торшеров потускнел, солнце за высокими окнами окончательно скрылось в пасмурной синеве, и в атри-

ум спустились тени.

Бар.

Алиса остановилась.

Полки с напитками были задёрнуты манерными шторками, на столах лежали перевернутые вверх ногами стулья, в тусклом воздухе витала пыль, от которой, видимо, и пытались защитить концертный рояль, задрапировав его простыней, как мебель во время переезда. После пронзительного холода и застилающей глаза синевы Алисе хотелось выпить – коньяка или горячительного коктейля, – но бар по здешним правилам открывался в пять. Оставалось только вернуться в номер.

Алиса направилась к лифтам, но вдруг остановилась. Она расстегнула сумочку, хотя каким-то образом, по наитию, уже понимала, что искать бесполезно. Ключ. Холодок пробежал у неё по коже. Она точно помнила, что закрывала номер. Но куда потом делся ключ?

Управляющий поджидал её у стойки, словно и не сомневался в том, что она вернётся.

– Бар ещё закрыт, – напомнил он. – Вы же знаете, такие у нас распорядки.

– Я потеряла ключ.

Управляющий удивлённо вздёрнул бровь, открыл хлипкую дверцу регистратуры и с забавным побряхтыванием протиснулся за стойку. Он встал напротив квадратных полочек с порядковыми номерами и принялся ритмично покачи-

вать указательным пальцем, отсчитывая потерянные ключи.

– Сорок шесть? – уточнил он.

– Что? – не поняла Алиса.

– Номер сорок шесть?

– А... – Алиса поморщилась. – Нет-нет, кажется тридцать второй.

– Вы уверены? – Управляющий повернулся и вновь приподнял резкую бровь; кожа у него на лбу собралась глубокими складками, как затрёпанная материя.

– По-моему, да. Но не сорок шестой – это точно.

– Что ж...

Рука управляющего скользнула в одну из полок, и уже в следующую секунду он протягивал Алисе запасной ключ на здоровом деревянном поплавке, поигрывая им с глумливым намёком – дескать, как можно потерять ключ на таком огромном брелоке.

– Спасибо, – сказала Алиса.

3

Лифта пришлось ждать долго – тот стоял сначала на восьмом, потом на шестом, потом на четвёртом этаже, делая утомительные передышки через равные интервалы.

Но на третьем не было ни души.

Алиса подошла к своей двери. Забытый ключ торчал из замочной скважины, а похожий на рыболовную снасть брелок – такой же, как у подменного – едва заметно покачивался, словно дверь закрыли минуту назад.

В номере оказалось темно. Алиса даже не сразу нашла, где включается свет. А потом болезненно сощурилась – потолочные лампы загорелись так ярко, что обожгли глаза.

У кровати, бережно застеленной горничной, стояли так и не распакованные чемоданы. Бутылку с минеральной водой на тумбочке заменили на свежую, непечатую, манерно обернув горлышко бумажной салфеткой.

Алиса сбросила туфли и прошла по комнате. Свет раздражал. От света болела голова, как во время простуды. Но оставаться в темноте не хотелось. Не хотелось оставаться в темноте. Головная боль не так пугала, как темнота.

Она встала у окна, приподняла одну из полосок жалюзи и тут же опустила, закрыв едва наметившуюся щель. Остров затопила сизая мгла. Начинался шторм.

Алиса открыла мини-бар, спрятанный в тени кровати,

и долго изучала одинаковые ряды маленьких бутылочек с красно-белыми этикетками. Какой-то невнятный виски с длинным, едва читаемым названием – «глен» и что-то там ещё, нагромождение выведенных витиеватым шрифтом букв. И ничего другого. У того, кто подбирал для мини-бара напитки напрочь отсутствовала фантазия. Или им просто некуда было девать весь этот непонятный, скопившийся в ненужных количествах «глен-что-то-там».

Алиса скрутила тугую золотистую пробку у одной игрушечной бутылочки и осторожно принялась. Запах был отвратительный – пахло йодом, торфом, чем-то ещё. Она покосилась на минералку у кровати, раздумывая, но в итоге качнула головой и поставила открытый виски на журнальный столик.

Вечером, в баре. Нужно подождать.

Но делать было совершенно нечего.

Она села на кровать и покосилась на старый дисковый телефон рядом с бутылкой минералки, который перечёркивала ниспадающая от изголовья тень. У телефона лежала опрокинутая табличка в расцарапанной оправе из оргстекла – внутренние номера из четырёх цифр. Все они, без всякого воображения, начинались с нуля, и в подтверждение этому нолик на диске телефона затёрся – от него остался лишь закруглённый изгиб, не доведённый до конца черта.

Алиса потянулась к трубке. И оцепенела. Позвонить, набрать его номер казалось чем-то противоестественным, фи-

зически невозможным. Пальцы не слушались, телефонная трубка мёртвым припоем приросла к рычагам. Но, может, связь, несмотря на слова управляющего, уже заработала? Алиса вздохнула – на секунду ей почудилось, что её дыхание обратилось в пар, – повела плечами, как от холода, и, преодолевая странное онемение в пальцах, подняла трубку.

Щёлкнули телефонные рычаги, тень от изголовья сдвинулась в сторону, качнулась и вернулась на прежнее место. Трубка настойчиво загудела, заполняя сумеречную тишину тягостным и безжалостным напряжением – как натянутая струна, готовая в любой момент оборваться.

Алиса бросила трубку и вскочила с кровати.

Она вернулась к окну с жалюзи, которые напоминали о приёмном отделении в старой больнице, дёрнула за шнурок, и жалюзи со свистом раздвинулись, обнажив неровную, в пятнах серого и иссиня-чёрного, темноту.

Алиса не увидела ничего, кроме своего отражения.

Зашипели воздуховоды. Затем их долгий искусственный вздох сменился отрывистым скрежетом, металл об металл. Кто-то прочистил отверстое оцинкованное горло, заработали невидимые электрические машины, и в комнату проник холод. Алиса обхватила себя за плечи и задрожала. Этот холод – он будет преследовать всю неделю.

Она зашла в ванную и заперла за собой дверь, спрятавшись от механического сквозняка, от пасмурных сумерек в окне. Станный свет – мягкий, обволакивающий, не име-

ющий источника – окрашивал тесную ванную в призрачную синеву. Алиса склонилась над раковиной и открутила до упора поблёскивающий вентиль крана. Глубоко в стенах что-то заклокотало. Алису трясло. Она подумала – теперь, наверное, всю неделю будет так холодно, где бы она ни находилась, – и подставила руки под струю воды.

Из-за тёмной стены слышались чьи-то шаги – тонкие перегородки почти не останавливали звук, и тяжёлый ритмичный топот, как во время неуклюжего танца, бесцеремонно пробивался из соседнего номера, подтверждая то, что в гостинице ещё остались люди, обречённые на ожидание паром так же, как и она сама.

Алиса успокоилась. Холод, просочившийся под кожу, таял в горячей воде. Она вспомнила свой последний танец. Играла не слишком подходящая нервная музыка, из-за чего танец, начавшийся как неумелый вальс, превратился под конец в грубое топтание, подобное которому доносилось сейчас из соседнего номера.

Алиса вздрогнула и отдернула руки. Вода из-под крана, ещё мгновение назад приятно топившая разлившийся по телу холод, обжигала. Она потёрла кисти, залечивая невольные раны, и посмотрела на своё отражение в высоком зеркале на стене.

Потолочная лампа не горела, и Алису должна была с головой окутывать темнота, но синий свет ещё струился из стен, осторожно подчёркивая привычные предметы – про-

зрачную дверцу кабинки душа, раковину, зеркало, изогнутый кран. Из-за этого обманчивого освещения всё вокруг казалось другим, не таким, как прежде, словно в самых обыденных вещах, на которые часто не обращаешь внимания, неожиданно открывалось иное измерение, новая сторона.

На мгновение Алиса не узнала себя в зеркале. Но холодный ужас, сжавший сердце, быстро отступил. Она снова услышала ритмичный топот из-за стены, почувствовала, как ноют обожжённые кисти, и как неумолимо возвращается холод.

Она выглядела уставшей, хотя проснулась несколько часов назад. Любимая розовая помада потускнела на неверном свете, и губы стали бесцветными, как от сильного волнения, когда не можешь выдать из себя ни слова. Волосы ещё на пристани растрепал бесцеремонный ветер. Алиса потянулась к расчёске на полочке, но остановилась.

Глаза.

Глубокие, синие – под цвет сапфировых серёжек, которые она носила, не снимая. Его подарок. Он говорил, что серёжки идеально подходят к её глазам – подчёркивают взгляд. Маленькие камни в золотой оправе. Сапфировые глаза. Тогда она решила, что это забавно – она даже помнила, как рассмеелась в ответ. Однако теперь она была уверена, что лишь благодаря серёжкам смогла себя узнать – в этом необъяснимом свечении, исходящем из стен.

Вода с клёкотом вырывалась из крана. Но теплее в ван-

ной не становилось. Зеркало запотевало – сначала по краям, осторожно и неловко, а потом сильнее и быстрее, подбираясь к глазам. Казалось, лицо Алисы покрывает тонкая изморозь. Холод, который теперь будет повсюду.

Вскоре уже всё зеркало затянуло пеленой.

Алиса провела по нему ладонью, стирая туман, и её отражение, тающее в конденсате, стало чужим, неузнаваемым, словно что-то пугающе изменилось за те несколько секунд, которые она не видела себя.

Ударил в уши телефонный звонок – резкий и внезапный.

Алиса потянулась к двери, но в этот момент свечение погасло, и ванную захлестнула темнота. Глаза, не привыкшие к отсутствию света, не могли ничего разобрать. Мгновенно сгинули душевая кабинка, выложенные кафелем стены, раковина, зеркало и отражение в зеркале.

Обожжённые кисти ныли. Алиса вслепую шарила по двери, пытаясь нащупать ручку. Из комнаты доносился раздражённый телефонный трезвон.

Нашла!

Щёлкнул замок. Алиса вылетела из ванной. Яркий потолочный свет резал глаза, но из окна с поднятыми жалюзи вливалась густая холодная темнота. Трубка на завитом чёрном проводе лежала на тумбочке рядом с телефоном – Алиса так и не положила её обратно на рычаги.

Послышалось. Или звонок раздавался в другом номере – где, несмотря на заверения управляющего, ещё работала

связь.

Алиса села на кровать и подняла трубку.

Это же совсем не сложно. Набрать номер. Быть может, сейчас всё получится. Быть может, уже успели наладить линию.

Алиса перевела дыхание и коснулась прозрачного диска. Барабан вращался нехотя, с упрямым сопротивлением, и так же медленно возвращался, отматывая набранные цифры вспять. Алиса прижала трубку к уху, прислушиваясь к сосредоточенной тишине.

Линию наладили. Ну же. Ответь.

Тишину прорезали гудки – короткие и редкие, как вспышки. Потом что-то заклацало. На другом конце подняли трубку.

– Алло! Алло! – закричала Алиса. – Это ты?

Тишина.

– Связь здесь совсем не работает! – Алиса задыхалась от волнения. – Я тебя совсем не слышу! Твой паром...

Из трубки посыпался шорох – кто-то сминал тонкие листы бумаги.

– Алло! Алло! Я тебя совсем...

Шорох сменился сиплым дыханием.

– Я... – начала Алиса и осеклась. – Это ведь ты, да? Почему ты ничего не говоришь? Ты меня слышишь?

Она едва сдерживала слёзы.

– Почему ты молчишь?! – крикнула Алиса, и дыхание тут

же потонуло в надсадном треске.

Алиса выронила трубку и закрыла лицо.

Это помехи. Такое бывает. Управляющий говорил, что во всех номерах в гостинице проблемы со связью, и даже в регистратуре не работает телефон. Надо подождать, и скоро всё, как обещал управляющий, вернётся в норму. В норму. Как обещал управляющий. Надо подождать.

Алиса сидела, ссутулившись, на кровати и вздрагивала от озноба.

Он знает номер, в котором она остановилась. Он сможет ей позвонить. Наверное... Нет, наверняка уже сейчас он пытается дозвониться, но слышит лишь треск помех и чьё-то хрипкое дыхание. Он переживает так же, как она.

Алиса распрямилась и судорожно вздохнула.

Тушь на глазах наверняка размазалась.

Надо подождать. Ожидание всегда мучительно. Но ждать придётся не так долго.

Она подняла с пола телефонную трубку и аккуратно положила её на рычаги.

Связь может восстановиться уже через минуту. Вот сейчас она встанет, пройдёт по комнате и – услышит телефонный звонок.

Она встала, прошлась по комнате.

Окно.

Слабый свет от мерцающих, как звёзды, фонарей слегка разгонял обступающую гостиницу тьму. Но недостаточно

сильно. Редкие проблески синевы, оттенки серого. Но берега было не видно. Берега было не видно. И остров в темноте казался огромным и безбрежным, как океан.

4

Длинный коридор на третьем этаже, омытый жёлтым светом, необъяснимо пугал Алису. Ближе к лифтовой площадке несколько ламп не горели, и пыльная ковровая дорожка уходила в зыбкую темноту. Тени угрожающе тянулись по полу, влезали на стены, вздрагивали от мерцания ламп и, распадаясь под лучами света, вновь набирали силу, словно приоткрытая дверь в номер притягивала к себе темноту.

Алиса несколько раз пыталась выйти в коридор и – не решалась.

Но когда она в очередной раз выглянула наружу, тени исчезли – потолочные лампы в конце коридора включились, и тревожную темноту сменил бесстрастный электрический свет.

Алиса вышла из гостиницы в лёгком платье, накинув на плечи шерстяную шаль, которая почти не согревала. Стоило ей немного отдалиться от похожего на музей здания, как со спины на неё набросился промозглый ветер. Волосы тут же растрепались, упали на лицо. Кожа словно покрылась инеем от холода.

Алиса остановилась, чтобы пригладить выбившиеся из причёски пряди. Потом обернулась, решая, не повернуть ли назад. В пристройке, похожей на сиротливый маяк, загорелось на самом верху окно.

Алиса пошла дальше.

Ветер, обезумев, дул с разных сторон, то подгоняя, то, напротив, прогоняя от пристани, которая призрачно проступала в ранних сумерках вдалеке. Алиса куталась в шаль и ещё не раз оглядывалась на высотный флигель с горящим окном, однако в гостиницу не вернулась. Волнующее ощущение открытого и пронизанного ветрами пространства, океан, нависающий над береговой линией, подобно гигантской волне, притягивали её после мрачной духоты гостиницы.

На пристани наконец включили фонари.

Фонари все горели по-разному – некоторые мерцали, затухая на едва различимые мгновения, другие светили ровно и тускло, но были и такие яркие, что приходилось отводить глаза. Разглядеть материк с берега не получалось. Вместо материка у горизонта сгущалась штормовая темнота.

Алиса не сразу заметила пожилого мужчину на скамейке у пирса, под самым ярким фонарём. Он кутался в шотландский плед – красное с чёрным, – и читал книгу, вернее, как показалось вначале, просто вырывал из неё страницы, покашливая и подслеповато сощуривая глаза.

Алиса собиралась пройти мимо – каждый здесь по своим делам и нет смысла тратить время на необязательную беседу, – но что-то заставило её остановиться.

– Добрый вечер! – сказала она.

Старик закрыл книгу и поднял на Алису глаза. Последняя страница, вырванная и скомканная, не попавшая в урну, за-

скользила по дорожке в порыве ветра.

– Добрый, – сказал старик. – Немного холодноват на мой взгляд. Хотя, возможно, это последний...

Он вдруг замолчал – испугался, что накликать беду.

– Возможно, – кивнула Алиса.

– Я на самом деле часто приезжаю сюда, но что б такое...

– Старик покачал головой. – Это уж слишком! Честно, сказали бы мне раньше – не поверил бы. Обещают чуть ли не минусовую. Ливень-то ещё ладно, кто здесь не видел ливней, но минусовая! Я даже представить такое не могу!

Алиса на секунду прикрыла глаза.

Со стороны океана наступает холод – словно густая синяя краска, ненароком разлитая на бумаге, расплзается по всему доступному ей пространству, заполняя его до края. Ветер – пронизывающий и порывистый. Кажется, что в потоках воздуха несутся острые кристаллики льда.

– Даже представить не могу, даже представить, – бормотал старик. – Я-то боялся, что на солнце перегреюсь. Думал гулять вечерами. Хорошо хоть прихватил с собой плед.

– Я тоже люблю выходить по вечерам, – улыбнулась Алиса.

– А вы бывали здесь раньше?

– Да, но очень давно. Уже и не помню ничего – так, отдельные моменты. Одно время я даже думала, что этот остров мне приснился.

– Не лучший год для повторного визита, да. Раньше в это

же время отсюда можно было увидеть материк. Весь в огнях. А часто и корабли – множество сверкающих кораблей, огромные паромы. Но теперь...

– Я знаю, – сказала Алиса.

Старик поёжился и натянул чёрно-красный плед до самого подбородка. Его руки, сжимающие изуродованную книгу, задрожали.

– Я знаю, – повторила Алиса. – Материк. В ясный день. Это я помню хорошо, в отличие от многого другого.

– Остров приснился? – задумчиво спросил старик, словно только что расслышал. – А потом вы вспомнили, что он существует на самом деле и решили приехать?

– Как-то так, – сказала Алиса.

Старик раскрыл книгу и провёл трясущимися пальцами по строчкам – точно слепой, читающий брайлевский шрифт.

– Мне на самом деле нравится здесь, на берегу. Даже сейчас. Многих пугает океан. Я понимаю отчасти – его слишком уж много. Но мне...

– Мне тоже нравится океан.

– Вы ждёте кого-то?

Неожиданный порыв ветра разметал волосы Алисы и едва не сорвал с плеч тёплую шаль.

– Нет. Вернее... Не прямо сейчас, но – да, жду.

– Понимаю. Я никого не жду. Некого ждать. Не то это место, чтобы кого-то ждать. Я хотел даже вернуться на сегодняшнем пароме. Иногда стоит признать, что отпуск не за-

дался, чем пытаться находить для всего оправдания. Погоде не нужны наши оправдания. Не то это место, чтобы встречать ураган.

Кисти у Алисы онемели от холода и, сложив ладони лодочкой, она подула в них, надеясь согреться. Дыхание оставалось тёплым, она не успела промёрзнуть насквозь, но задерживаться на открытом ветрам берегу было нельзя.

– Небезопасно? – спросила она.

– Дело не в этом, – поморщился старик. – Точнее говоря... Я ещё не был здесь при такой омерзительной погоде, так что не знаю. Но нет, я вовсе не собирался вас пугать. Сомневаюсь, что с этим будут проблемы. Просто чем заняться на острове, когда идёт постоянный дождь?

Ждать, подумала Алиса. Но вместо этого сказала:

– Читать?

Старик рассмеялся.

– Ради этого необязательно уезжать на остров.

Небо неумолимо темнело. Алисе показалось, что на лоб упали первые капли. Но нет, это ветер приносил солёные брызги.

– Ладно, – сказала она. – Теплее тут не становится, и я, пожалуй...

– Да-да, я и сам скоро пойду.

Старик бережно погладил книгу по затрёпанной обложке. Обложка заметно прогибалась – в книге не хватало доброй полсотни страниц.

Алиса уже собралась уходить, но остановилась.

– Скажите, – не удержалась она, – а почему вы вырываете из книги страницы? Вы читаете или...

– На самом деле со мной всё не настолько плохо, как можно подумать! – рассмеялся старик. – Дело в том, что это своеобразная тренировка. Мне посоветовал врач. Жалко, конечно, книгу, но...

– Тренировка? – не поняла Алиса.

– Да. Дело в том, что... – Старик коснулся двумя пальцами лба. – Память. Зачастую читаешь, а под конец уже и не помнишь, как всё начиналось. На самом деле есть, конечно, в этом и свои плюсы – одну и ту же книгу можно читать много раз. Когда по второму кругу начинаешь, уже и концовку не помнишь. Но всё-таки...

– Хотелось бы читать другие книги?

– Да. Память вообще – странная штука. Очень уж избирательна. Что-то помнишь хорошо и ярко, а что-то не запоминаешь совсем.

– Но зачем вырывать страницы?

– А это как-то действует, не знаю. Я понимаю, что перечитать уже не получится. Нет пути назад. И это стимулирует. Я действительно запоминаю гораздо лучше.

– Понятно, – сказала Алиса.

– Но, боюсь, я вас совсем утомил, – вздохнул старик. – Думаю, ещё увидимся. Вернее, увидимся непременно. Здесь вообще в ближайшее время останется не так много развле-

чений.

Алиса натянула на плечи спадающую шаль. Ветер теперь дул со стороны океана. Пора было идти. Наручные часы показывали без пяти пять.

Старик вновь погрузился в чтение – он водил пальцем по строкам, а губы его едва заметно двигались. На освещённой ярким газовым светом странице вздрагивали непонятно откуда взявшиеся тени.

– А о чём книга? – спросила Алиса.

5

Когда она вернулась в гостиницу, бар уже работал, но за стойкой не сидело ни одного посетителя. Лёгкий усыпляющий сумрак и мягкое движение теней в глубине атриума успокаивали. Управляющий, волосы которого лоснились так, словно он натирал их гуталином, приветливо улыбнулся Алисе и коснулся лба, как бы отдавая честь. С рояля в ресторане наконец-то сняли покрывало.

Алиса ненадолго задержалась у бара, решая, куда сесть, но выбрала столик неподалёку от рояля. Тапёр ещё не пришёл, однако всё вокруг дышало предчувствием музыки. Тёплый подкрашенный плафонами торшеров свет и холодные всполохи из окна, как от статического электричества, отражались в чёрном лаке рояля. На столике стояла причудливая лампа, похожая на широкое блюдо, прикрытое абажуром из ткани. Её собственный маленький огонёк.

Впрочем, лампа не горела.

Мелодично позвякивали за спиной двери лифта, как огромный заводной механизм, работающий через равные, тщательно просчитанные интервалы. В ресторане быстро собирались постояльцы.

Но официантов пока не было видно.

Алиса подумала – не пересест ли в бар, – но всё же осталась за столиком и даже положила напротив себя сумочку.

Место занято. Пусть думают, что она кого-то ждёт.

И она действительно ждёт.

Но время тянулось медленно. По лакированным бёдрам рояля плыли дрожащие отблески. Остров в окне темнел с каждой секундой.

Показался первый официант.

Официант появился внезапно, материализовался из воздуха у страшных чёрных окон, в которых не было видно уже ничего, кроме отражений, – как если бы нарочно выжидал, пока весь остров не зальёт чернильная темнота.

Торшеров вокруг стало ещё больше, чем днём, но все они горели вразнобой, подражая фонарям на пристани – и тускло, и ярко, похищая свет друг у друга. Глядя на поблёскивающий рояль с поднятым крылом, Алиса чувствовала себя, как в консерватории перед началом концерта.

– Добрый вечер! – Официант бесплотно перенёсся к её столику. – Секундочку...

Он вытащил из кармана обычную сигаретную зажигалку и несколько раз вхолостую высек искру, прежде чем зажигалка загорелась. Поднял у лампы абажур, поджёг прятывшуюся под ним толстую свечу, повернулся к Алисе.

– Желаете меню?

– Меню? – переспросила Алиса. – Да. Хотя... У вас есть «Голубая лагуна»?

– Коктейль? – Официант оживился. – Да, наш бармен отлично его готовит. Это, можно сказать, практически фир-

менный... – Официант вдруг смутился. – Есть какие-нибудь особенные пожелания? Покрепче? Со льдом?

Алиса не успела ответить.

– Мы обычно делаем со льдом, но сегодня...

Официант покосился в окно.

– Давайте безо льда, – согласилась Алиса.

– Что-нибудь ещё?

– Пока всё.

И официант, немного разочарованный, заспешил к следующему столику, призрачно скользя в полумраке атриума. Свеча под абажуром горела судорожно и нервно, пульсируя, как биение сердца.

Половину столиков на первом этаже уже заняли – Алиса и не думала, что в гостинице осталось столько гостей. Впрочем, большинство, наверное, планировало вернуться на материк на сегодняшнем пароме. На некоторых столах тоже горели светильники, но многие ещё ожидали первого появления официанта, разносившего по залу живой свет. Почти все говорили тихо, и лишь один резкий мужской голос самоуверенно выбивался из шипящего шёпота. Алиса отчётливо слышала отдельные слова и фразы – «сегодня последний», «сколько уже раз», «никогда, даже если паром». Она обернулась, желая высмотреть говорящего, и в этот момент перед ней возник официант.

– Ваша «Голубая лагуна»!

Официант поставил на столик коктейльный бокал с про-

зрачным напитком цвета звёздного сапфира.

Льда не было.

– Спасибо, – сказала Алиса.

Тревожащий голос затих, слившись с окружающим бормотанием – наверное, громкого мужчину увлѐк принесѐнный ужин или коктейль. Алиса подняла бокал. Неловкое движение – несколько капель упали на стол, тут же впитавшись в белую, как и снятое с рояля покрывало, скатерть. Алиса замерла на секунду с бокалом в руке, словно произносила для невидимого собеседника тост – что-то короткое и привычное, вроде пожелания здоровья, – часть вечернего ритуала, который необходимо соблюсти перед первым глотком.

Лагуна оказалась крепкой, цитрусовая горечь обжигала горло. Алиса поморщилась и отставила бокал. Официант промелькнул рядом, как тень, и растворился. На запотевших стенках бокала оседали пузырьки.

– Да, обычно всегда в такой... – вновь услышала за спиной Алиса.

Она оглянулась, но не увидела ничего, кроме окружающей столики темноты, набиравшей силу вопреки всем этим горящим свечам и старым торшерам.

К роялю подошёл сухощавый мужчина в смокинге – с такой же причѐской, как у управляющего, из-за чего волосы его напоминали дешѐвый парик. Мужчина уселся на табурет перед роялем и принялся разминать пальцы, сцепив вместе

ладони и вытягивая, как во время утренней зарядки, руки.

Тапёр.

– Представьте, если и следующий...

Алиса не оборачивалась. Она смотрела в незашторенное окно, где, как в перевёрнутом измерении, отражались с искажёнными пропорциями рояль, движения тапёра, наполовину скрытого поднятым крылом, и сиротливые огоньки света – точно островки в чёрной тишине, – между которыми скользил бесплотный официант.

– Как ваша «Лагуна»?

Алиса начала привыкать к его неожиданным появлениям.

– Неплохая, – сказала она. – Но на мой вкус слишком крепкая. Я всё же предпочитаю...

– В следующий раз могу попросить бармена сделать полегче.

– Хорошо. Пусть будет полегче. Сегодня как раз...

Отражение официанта вздрогнуло и заспешило к другому огоньку, который окружали чьи-то невзрачные тени.

Тапёр не играл. Посетители прибывали. Становилось шумно. Теперь уже не голос, а чьи-то шаги настойчиво привлекали к себе внимание – усталой тяжестью и основательной размеренностью, как будто кто-то из последних сил подражал чужой походке.

Пожилой мужчина, с которым Алиса встретилась на берегу, прошёл рядом и приветливо улыбнулся в ответ на её взгляд. Потом нахмурился, заметив лежащую на столе су-

мочку. Под мышкой он держал затрёпанную книгу.

Тапёр наконец закончил разминать узловатые пальцы, набрал полную грудь воздуха и, плавно проведя в воздухе кистью – особый жест, который любят исполнять факиры – коснулся клавиш.

Алиса пригубила «Лагуну». Она уже чувствовала приятную лёгкость – надвигающийся холод и тропическая депрессия не так пугали, как раньше, а паром, казалось, ожидался уже через несколько часов. Алиса подняла бокал и сделала щедрый глоток, поморщившись, как от лечебной микстуры. В бокале вихрем закружились пузырьки.

Тапёр по-прежнему совершал загадочные пассы в воздухе, мягко касаясь клавиш, но издаваемые роялем звуки мало походили на музыку – можно было подумать, что пианист отчаянно пытается восстановить в памяти забытую мелодию, которая затаилась где-то рядом, в отблесках, в неверно взятых аккордах, и никак не хочет возвращаться на свет.

Алиса заметила, что глаз у него подёргивается.

Лагуна, лишённая обжигающего холода и приятной плотности молотого льда, беспомощно выдавала во рту все свои бесхитростные ингредиенты. Включая и основной. Водка. Разбавленная лимонной горечью водка.

Но Алиса продолжала пить.

Когда тапёр только начал играть, голоса за спиной уважительно затихли, слились с окружающей гостиницу темнотой, но теперь посетители вновь заговорили развязно и громко,

из-за чего нарастающий гомон заглушал неловкую игру пианиста.

– До сих пор не верится, что мы... – донеслось из-за спины Алисы.

Лагуна заканчивалась – и вместе с коктейлем почему-то сходила на нет его пьянящая магия. Ощущение приятной лёгкости исчезло.

Свеча под абажуром затрепетала, как от напористых приливов ветра, и – погасла. Алиса различила смутное и тёмное движение в высоких окнах – сквозь отблески тёплых огней. Чья-то тень размашисто пролетела перед зданием, или же гигантская птица – хотя Алиса не видела таких птиц на острове – взмахнула чёрным крылом.

Алиса поёжилась от холода, резкого, беспричинного – и последнее зыбкое тепло от выпитой Лагуны растаяло, уступив горечи и пустоте.

Тапёр заиграл быстрее.

Сбивчивое бречание перерастало в хрупкую мелодию, в которой угадывался и порывистый ветер, и шум прибоя, и частое взволнованное дыхание. Алиса заинтересовалась. Музыка настойчиво пробивалась сквозь окружающий туман, и рояль пел, наполняя атриум тёплом и холодом, переливами воды и порывами ветра, но потом туман возвращался, и мелодия захлёбывалась в неверно взятых нотах, путалась в движениях длинных пальцев, пока окончательно не выдохлась, превратившись в хаос из разрозненных звуков.

И тогда тапёр перестал играть.

Он сделал глубокий вздох, размял уставшие пальцы – на сей раз быстро и резко, отчётливая похрустывая суставами – и, описав в воздухе плавный жест, коснулся одной из клавиш.

Одна нота, через несколько секунд другая – всё было как прежде, как и в самом начале, только глаз больше не дёргался, но зато по лбу уже стекала капелька пота.

– Как назло и в этом отеле... – заголосил где-то громкий мужчина.

Алиса с опаской взгляделась в окна – не появится ли там снова пугающая тень или огромная птица, – и увидела себя, своё отражение, грубо срезанное оконной рамой. Изогнутый локоть, выбившаяся из причёски прядь, коктейльный бокал на столе. Всё это было неживым, блеклым и неумолимо рассеивалось в темноте – ведь лампа на столе не горела, а света от стеклянных торшеров уже не хватало, чтобы бороться с надвигающейся ночью.

Алиса пригладила волосы, допила «Лагуну». В бокале оставалось на маленький глоток, но в этих последних каплях скопилась вся безжалостная горечь, и Алиса закашлялась, прикрыв ладонью рот.

Она оглянулась в поисках официанта.

Почти все столики в ресторане были заняты. Посетители говорили, пили разноцветные напитки, произносили невнятные тосты. Но Алисе уже хотелось вернуться в номер, забыть

навязчивую музыку, «Голубую лагуну», от которой першило в горле, громкого мужчину и страшные тени в окне.

Официант объявился спустя несколько минут. Алиса устала ждать.

– Уже уходите?

Она назвала свой номер, попросила записать на счёт. Официант мгновенно испарился, тут же потеряв к ней интерес. Тапёр перестал играть, но ещё сидел у рояля, слепо уставившись перед собой. Лоб у него блестел от пота. В окне напротив уже не было отражения Алисы – отражение сгнуло в темноте.

Алиса взяла со стола сумочку и, опустив голову, чтобы ни с кем встречаться взглядом, направилась к лифтам. Она прошла мимо барной стойки, мимо стоящих неровным строем торшеров, мимо официанта, который непонятно замер с пустым подносом в руке, забыв заказ или выбирая, какой обслужить столик. С каждым шагом света становилось всё меньше. Лёгкое судорожное тепло, которое ещё держалось в ресторане – рядом с роялем, напротив окна – тонуло в пронизывающем, как ветер, мраке.

Алиса остановилась.

Двери лифта поблёскивали, отражая свет последнего, примостившегося у стены торшера. Здесь начиналась ночь. Алису окружала осязаемая темнота – её можно зачерпнуть рукой, и она оседает холодом на пальцах. Над циферблатом с указывающей на этаж стрелкой, по потолку и по полу тя-

нулись чёрные тени.

Алиса невольно попятилась.

Ожил лифт. Заскользила по циферблату стрелка, отсчитывая в обратном порядке этажи – четвёртый, третий, второй... Что-то двигалось в темноте. Алиса подумала, что, если прикроет на секунду глаза, то сгинет так же, как отражение без света.

Первый.

Стрелка замерла, указав на последнюю – или первую – цифру. Послышался мелодичный звонок. Двери лифта открылись.

Кабинку заполняла темнота.

Алисе показалось, что мир разошёлся по швам, как старое платье, и теперь всё вокруг затягивается в образовавшуюся прореху – гаснет свет, стены сходятся складками, подобно заношенной ткани, и проваливаются во тьму, а сама Алиса тускнеет, становится тенью. Но потом в кабинке лифта прорезалась чья-то фигура.

Алиса вздрогнула.

Она попятилась, сжимая сумку. Тени ползли по полу и потолку, залезали на стены. Алиса задела за что-то плечом и чуть не упала. Торшер опасно покачнулся, но устоял – его стеклянный плафон задрожал, расплёскивая свет, и по затоптанному полу заходили широкие тёплые волны.

Алиса побежала к оставленному минуту назад столику.

Всё ещё не занят.

Рояль с поднятым крылом, островки света, тонкие стебли торшеров по-прежнему отражались в окне, однако тапёр ушёл, оставив после себя незакрытую клавиатуру и задраный вверх, как для карлика, винтовой табурет.

Светильник на столе не горел.

– Решили задержаться? – послышался знакомый голос.

И снова – натянутая улыбка, зажигалка для сигарет, несколько раз вхолостую высекшая искру, и огонёк свечи, затрепетавший под абажуром.

– «Голубую лагуну»? – уточнил официант. – Или что-нибудь другое?

Алиса задумалась, но у неё не было сил выбирать.

– «Лагуну».

Официант ещё раз улыбнулся – едва заметно, уголками губ, устав от вынужденных вымученных улыбок – и удалился исполнять полученный заказ.

Пламя свечи разгоралось, окутывая столик приятным теплом, прогоняя остатки мрака. В чёрном окне проявлялось отражение Алисы – сначала кисть на столе, пальцы, отстукивающие мелодию, которую теперь никто не играет, затем ссутуленное плечо.

Вдруг рядом появилось ещё одно отражение.

Алиса вздрогнула. К ней подошёл высокий мужчина средних лет в строгом чёрном костюме, с расстёгнутым на одну пуговицу воротником.

– Добрый вечер! – Знакомый голос. – Тоже оказались тут

в ловушке из-за паррома?

– Нет, – ответила Алиса, – на самом деле я и не планировала уезжать. Я...

Она не договорила. Мужчина выпучил маслянистые глаза.

– Интересно! Не против, если я к вам присоединюсь?

Алиса не успела ответить. Мужчина сел напротив, спиной к чёрному окну, закрыв собой её отражение. Алиса горестно поправила сумочку на плече.

– Вообще-то, – тихо проговорила она, – я не одна.

– Ждёте кого-то?

– Да. Вернее... Не совсем так. Но я...

– Ну, тогда я скрашу вам ожидание?

Мужчина был старше Алисы – его виски поседели, а под вылупленными глазами пролегали густые тени. Алиса подумала, что он похож на финансиста или банкира из многосерийного фильма, который кричит на кого-то по телефону во время биржевых торгов и с важным видом подписывает многомиллионные контракты. А ещё от него разило одеколоном и торфяным виски из мини-бара.

Мужчина представился, но имя его странно не соответствовало лицу и костюму, словно в невнятных целях он назвал Алисе чужое. Она решила – он будет банкиром. Пока не отсядет к другой скучающей даме. Или пока она не уйдет сама.

– Алиса, – представилась Алиса.

– Очень приятно! – Правое плечо у мужчины дёрнулось

в привычном порыве протянуть для пожатия кисть, но он вовремя спохватился, заменив рукопожатие улыбкой. – Угостить вас чем-нибудь? Здешний бармен, кстати, умеет делать отличные...

– Я уже заказала.

– Да-да, надо заказать. У них не самое расторопное обслуживание сегодня. Правда, по меркам этой дыры тут настоящий аншлаг.

Банкир приподнялся со стула и помахал официанту, которого Алиса так и не смогла рассмотреть среди столов.

– Забавно, что все здесь собирались уехать на сегодняшнем пароме. Включая и меня, и вас.

– Нет. Я же вам сказала. – Сумочка едва не соскользнула с плеча, и Алиса положила её на стол. – Я в любом случае собиралась остаться. У меня здесь встреча. Но я...

– Паром. Да, да, я помню. И понимаю. – Банкир сочувственно закивал. – Давно здесь? В этом отеле?

– Второй день.

– А я чуть подольше. Дела. Есть у некоторых причуды – устраивать встречи в таких вот местах. А я решил совместить это с небольшим отпуском. Вышло не слишком удачно, как видите. Совсем не удачно. Надо было уезжать на предыдущем пароме. Кто бы знал. Но, с другой стороны, – банкир наклонился к Алисе, – тогда мы бы с вами не познакомились.

– А вы чем занимаетесь?

– Ничего особенно романтического. Финансы. – Банкир

скривился; разговор о работе вызывал у него изжогу. – А вы?

Ответить Алиса не успела. Объявился официант – с извиняющейся улыбкой и «Голубой лагуной».

– Простите за ожидание.

– Вы уже заказали коктейль? – удивился банкир. – Ладно, не страшно. Перенесите мой счёт на этот столик, – он посмотрел на официанта, – и посчитайте нам вместе.

– Зачем? – устало спросила Алиса. – Я же вам говорила, я...

– Не сочтите за невежливость. Мне будет очень приятно. Один коктейль. Не откажете же вы мне в такой малости?

Спорить не хотелось. Официант ушёл. Банкир повернулся к Алисе:

– Так о чём мы говорили?

– О финансах.

– Ох! – Банкир картинно схватился за лоб. – Работа, работа! Везде работа. Либо дождь, либо работа. Давайте о чём-нибудь другом, хорошо? Вот, например, вы. Давно уже здесь? На острове?

– Второй день, я же сказала.

– Да-да, конечно. Конечно, вы говорили. Всего лишь второй день. А я подольше, немного подольше. Это ваш первый визит?

– Нет, но... – Широкая спина банкира, его угловатые плечи, полностью скрывали в окне хрупкое отражение Алисы. – Последний раз я была здесь очень давно.

– Да-да, а я здесь бываю частенько. Любят некоторые устраивать деловые встречи в таких вот местах. И, должен сказать, это место не слишком-то сильно меняется. За это его многие и любят, да. Хотя, как по мне...

Официант принёс тяжёлый стакан с вонючим виски.

– Знаете, что, – оживился банкир, поднимая стакан, – а давайте выпьем за хорошую погоду. Да-да, именно так. Вдруг нам повезёт, и уже завтра...

Анна пригубила «Лагуну». Такая же горькая, как в прошлый раз. И крепкая. Банкир неторопливо потягивал виски.

– Какой у вас необычный коктейль. Цвет и всё это движение внутри, как в шампанском. Даже не представляю, что там.

– По вкусу – это лимонный сок с водкой.

– Да? Что же тогда даёт такой цвет?

– Какой-то ликёр. Точно не помню. Можем спросить у официанта, если вам интересно.

В атриуме стало тише – хотя никто не расходился, все вдруг заговорили вполголоса, чтобы привыкнуть к ночной тишине.

– И всё же, удивительно, как с непогодой увеличилось количество посетителей в баре. Не правда ли, да? Впрочем, если подумать, чего здесь удивительного? Как и обычно в такой ситуации люди не могут придумать ничего лучше, чем пить. Бару стоило бы открываться пораньше – озолотился бы.

– А постояльцам потом пришлось бы лечиться.

– Да-да, не исключено. Как вам, кстати, сегодняшнее, так сказать, представление? Я, признаться, не большой поклонник этой самой авангардной музыки, но сегодня весьма...

– Я ждала чего-то другого.

– Да-да, понимаю. – Банкир глотнул виски и кашлянул. – Я вообще не представляю, чем здесь можно заниматься целую неделю – при такой-то погоде. Это не говоря уже о том, что у меня вся работа к чертям. К чертям вся работа! И никто на самом деле не обещает, что и через неделю...

– Вы о чём?

Алисе вновь почудилось, что за окном промелькнула чёрная тень.

– А вы представьте – представьте, что и следующий паром не придёт. Представьте, как весело нам будет. Это и так уже похоже на тюремное заключение.

– Следующий паром обязательно придёт.

– Да-да, надеюсь, что да. Очень надеюсь. Вот вам и ещё один тост.

Звякнули бокалы. Один – приглушённо, второй – звонко и хрупко. Алиса задержала дыхание и сделала резкий глоток, почти не чувствуя вкуса. Приятное тепло разлилось у неё в груди.

– Да, до сих пор не верится, что мы застряли на этом дурацком острове! – Банкир уставился в пустой стакан, в толстых стенках которого играли отблески от свечи.

Алиса дёрнулась, как от испуга, едва не опрокинув бокал. Ну, конечно же! Почему она раньше не подумала об этом?

– Скажите, – спросила она, – а телефон у вас в номере работает? Просто я последнее время...

– Телефон? – Банкир поднял глаза. – Да-да, вчера всё работало, я хоть успел сообщить, что задерживаюсь, но сегодня – сплошные помехи. Говорят, на линии что-то. Ещё один подарочек от этого, с позволения сказать, курорта.

– У меня тоже помехи.

– Да? А вам нужно позвонить? Ждёте звонка?

Алиса кивнула и допила «Лагуну» залпом. От кислотной горечи сводило рот. Она промокнула губы бумажной салфеткой, стерев всю помаду.

– Вообще есть аппарат там, за стойкой. – Банкир неопределённо показал куда-то рукой. – Но...

– Но он тоже не работает.

– Да-да. На самом деле могу вам рассказать по секрету... – Банкир замолчал на секунду и поджал губы, точно справлялся с икотой. – Уже совсем скоро все эти телефоны с запутавшимися проводами будут нужны нам не больше, чем азбука Морзе. И телефон, без проводов, будет лежать у вас прямо в кармане. Или в сумочке и...

– И будет также не работать, – сказала Алиса.

Они заказали напитки. Она – «Голубую лагуну», он – виски. По атриуму вместе с дрожащим светом от свечей разливалось усыпляющее онемение. День подходил к концу.

– Ещё неделя, да, – пробормотал банкир, пригубив виски – на сей раз без тоста. – Как назло в отеле нет ничего, кроме бара. Долбаный бар! Как нарочно. Как... Да, и кто вообще придумал такое – большой и пустой отель? В ближайшие дни отсюда нос не высунешь. А если и высунешь, то...

Алиса вновь чувствовала приятную обморочную лёгкость – «Лагуна», как горькое лекарство, с каждым глотком избавляла её от забот.

– Вас ждёт семья? – спросила Алиса.

– Да-да, конечно же, ждёт. Кто меня только не ждёт! Сколько денег я теряю из-за того, что просто торчу здесь! Представляете? Нет, вряд ли! Откуда! А ведь каждую минуту, каждую секунду...

Банкир раздражённо прыскал слюной. Стакан с виски нетерпеливо покачивался в его руке.

– Мне очень жаль, – сказала Алиса.

– Да-да, – проговорил банкир, внезапно успокоившись. – Хорошо хоть успел вчера позвонить.

– А я не успела.

Они несколько минут молчали. Откуда-то издалека, сквозь переливы судорожного света и колышущиеся тени, доносились чьи-то осторожные шаги, скрип стульев, слова прощания – посетители расходились.

Официант принёс новую порцию напитков. Алиса даже не помнила точно, сколько выпила этих голубых коктейлей. Банкир предложил невнятный тост, поднял стакан и тут же

резко поставил его обратно.

Алиса нахмурилась. Банкир отрывисто всплеснул рукой, точно оратор на митинге.

– А знаете, что! Надо самим придумать себе развлечение! Да-да, именно так! Подумаешь, дождь! Что мы, не найдём, чем заняться?

– И чем же? – скучно поинтересовалась Алиса.

– Ну, например... – Взгляд банкира скользнул по открытому роялю, который уже наполовину затягивала растущая от окна тень. – Не хотите потанцевать?

– Потанцевать? – Мысль показалась Алисе настолько нелепой, что она с трудом сдержала смех. – Здесь? Без музыки?

– Момент!

Банкир поднялся из-за стола – стул испуганно затрещал и едва не опрокинулся навзничь, но банкир успел придержать его за спинку – и, постояв пару секунд, вспоминая, зачем вообще вставал, направился к барной стойке. Он был уже заметно пьян. Каждый его шаг, каждый взмах длинных рук, помогавших поддерживать ритм и не оступиться, через силу преодолевали захватившие атриум тишину и сон.

Банкир подозвал бармена – щёлкнув пальцами, деланно и некрасиво – и, перегнувшись через стойку, принялся что-то ему объяснять. Бармен хмурился, вздыхал, кивал. Банкир продолжал говорить – громко, приказным тоном, – показывая на рояль с поднятым крылом.

Вернуть тапёра?

Алисе не хотелось танцевать под музыку, которую играл тапёр. Танцевать вообще не хотелось. Но она смотрела на банкира, на бармена, на их рассечённые рамой отражения в окне. И сознавала – где-то там, за барной стойкой и выстроившимися, как на парадном равнении, торшерами, за регистратурой и официантом, который, верно, и сейчас стоит, замерев, с подносом в руках – её ждёт темнота. Она могла бы попросить банкира проводить её до номера – только до номера, до двери. Что бы ни поджидало её во мраке коридоров – с ней ничего не случится, пока она не одна. И если платой за это будет танец...

Банкир вернулся и грузно, с показной усталостью опустился на расшатанный стул.

– Музыки не будет?

– Да-да. То есть – нет! Всё будет! Всё сейчас будет! ПИАНИСТ не придёт, но...

– Честно говоря, не очень представляю, как под его музыку можно было бы танцевать.

– Он мог бы сыграть что-нибудь другое. Но это неважно. Я...

Из-за стойки полилась музыка – медленная и сбивчивая, словно играл ученик, разучивающий аккорды. Но темп быстро нарастал, мелодия, словно вино, быстро набирала крепость, хоть и перемежалась с шорохом помех. Бармен завёл старенький патефон с расцарапанным виниловым диском.

Банкир встал – на сей раз аккуратно и мягко, – и протянул Алисе руку.

– Хорошо, – сказала она со снисходительным вздохом. – Но предупреждаю, я уже совершенно пьяна.

– Тогда я поведу! – рассмеялся банкир.

Они танцевали у окна, рядом с роялем. Банкир двигался с сонной неторопливостью, точно боялся оступиться. Он чересчур сильно прижимал к себе Алису, по-хозяйски обхватив её за талию. Танцевать из-за этого было тяжеловато – пару раз Алиса наступила банкиру на ноги и едва поспевала даже за его пьяным топтанием. Но ей нравилось это грубое настойчивое объятие. Она могла не бояться темноты.

У неё закружилась голова.

– Да-да, вы отлично танцуете, – прошептал банкир, когда Алиса вновь отдала ему ногу, и по его голосу было непонятно, шутит он или говорит всерьёз.

В чёрных окнах танцевали их отражения. Сумрачные, едва очерченные светом, они вздрагивали, рассеивались в ночи и возникали вновь, в другом окне, как в другом измерении.

– Я не танцевала уже, наверное... – проговорила Алиса.

Ладонь банкира потела. Алиса чувствовала запах виски и гвоздики. Музыка затихала, тонула в шорохе расцарапанной пластинки, и разгоралась вновь, поднимаясь, как ветер, как штормовая волна – но в конце концов сникла и сошла на нет, оставив лишь тоскливое потрескивание и шипение, напоминающее помехи на линии передач.

Сердце у Алисы сжалось.

Они остановились. Вернулись к столу.

– Спасибо! – Банкир улыбнулся и тут же жадно глотнул виски. – Я тоже не танцевал чёрт знает, сколько! Да-да, чёрт знает, сколько! Всё работа, дела ...

Алиса крутила на столе бокал с игристой «Лагуной».

– Вообще я поражён, что вы здесь одна. Ждёте кого-то, хотя это вас...

– Это же из-за парома.

– Да-да, но я не о том. Почему вы вообще кого-то ждёте? Я бы на его месте... Это вас должны ждать, а не вы!

– Всё сложнее.

– Да чего тут сложного? И почему вы не поехали вместе? Как он вас отпустил? Зачем было... Я бы на его...

Глаза банкира пьяно сузились и заплыли, как у мертвеца.

– Мы не могли встретиться где-то ещё, – сказала Алиса. – Это сложно объяснить.

– Он женат? – прыснул банкир.

Алиса не ответила. Банкир ждал.

– А знаете, что! – не выдержал он. – Давайте ещё потанцуем! Да-да, ещё разок! Я сейчас попрошу...

– Я больна, – сказала Алиса.

– Больна?

– Да, лейкемия. Это рак крови. И это неизлечимо.

Банкир несколько секунд молчал, слепо уставившись на Алису.

– И сколько... – начал он, но не договорил.

– Пару месяцев, – ответила Алиса. – Может, три или четыре, если повезёт. Я не знаю точной даты. Но времени у меня в любом случае немного.

Свеча в настольной лампе задрожала, возмущаясь. Жёлтые отблески упали на лицо банкира – испуганное, побледневшее.

– Если я порежу руку, – Алиса подняла на свет кисть и посмотрела на узкую, влажную от волнения ладонь, – то кровь почти не останавливается. Можно умереть, порезавшись бумагой. Например, когда читаешь интересную книжку, вырывая из неё страницы.

Банкир приоткрыл рот, но не смог выдать из себя ни слова.

– Поэтому этот остров... – продолжала Алиса. – Он – особенный для меня.

– Паром обязательно придёт, – сказал банкир.

– Паром обязательно придёт, – сказала Алиса.

Больше они не говорили.

Вскоре банкир ушёл, сославшись на поздний час. Стакан с недопитым виски остался на столе.

У столика появился официант.

– Что-нибудь ещё?

Алиса обернулась на кошмарный сумрак, который окружал лифтовую площадку.

– Да, – сказала она. – Ещё один коктейль.

6

Время, проведённое в одиночестве с пьянящим коктейлем, промелькнуло так быстро, что Алиса не заметила, как осталась в ресторане одна. Вечер обратился в ночь, сонная суэта последних гостей – в мёртвое затишье. И Алиса вдруг поняла, что больше не боится холодного сумрака у лифтов. Теперь, когда всё кругом принадлежало лишь ей одной, когда не нужно было ни с кем делить свет, даже пыльные торшеры, мерцающие в тон давно угасшей музыке, слепили глаза.

Она не допила последний коктейль. С неё было достаточно. Её никто не провожал. Управляющий ушёл, да и официант, который под конец вечера неизменно объявлялся по взмаху руки, точно призрак, куда-то запропастился. У бара Алиса споткнулась, остановилась на секунду, чтобы проверить каблук – всё было в порядке, она просто оступилась, – и улыбнулась, представив, как свет, оставленный в ресторане для неё одной, плавно гаснет, торшер за торшером, провожая её в сон темнотой.

Тени и правда не пугали, а весь третий этаж был так ярко освещён, что, выйдя из лифта, Алиса покачнулась и припала к стене – подождать, пока пройдёт головокружение. Она улыбалась. Темнота и тени безобидны. К тому же прошёл уже целый день – первый, самый мучительный день ожида-

ния, – и осталось совсем немного. Следующий паром обязательно придёт в срок. Обязательно придёт.

Алиса вздрогнула, решив, что забыла сумочку. Но нет – сумочка висела на плече. Всё в порядке. И она пошла вглубь по коридору – навстречу свету, который искрился по стенам, заливая пол и потолок.

Но идти было тяжело. Голова кружилась. Слезилась глаза. Алису покачивало. Она шла заплетающейся походкой и касалась одной рукой стены, чтобы не упасть. Золотые таблички с номерами дверей мелькали перед ней, двоясь и распадаясь на бессвязные очертания, как световое эхо. Цифры дразнили Алису, постоянно менялись местами, превращая простые числа в сложные за одно движение век. Алиса решила, что идёт в неправильную сторону. Она уже думала повернуть назад, но вдруг почувствовала колкий холод на коже.

Сумрак.

Он следовал за ней по пятам. Свет, который ещё мгновение назад казался нестерпимо ярким, гас за спиной, и темнота, как прилив, прибывала с каждой секундой. Алиса не видела, но чувствовала темноту. И боялась обернуться.

Она ускорила шаг, хватаясь за дверные ручки и спотыкаясь. Двери предательски шатались на разношенных петлях, клацали ненадёжные замки. Даже стены перекосились, как в падающем карточном домике. Пол волной поднялся к потолку.

Тридцать восемь, тридцать шесть.

Алиса щурилась, пытаясь разглядеть таблички. Перед глазами всё плыло, от накатывающего холода сводило пальцы.

Тридцать пять.

Уже близко.

Сорок три.

Алиса зажмурилась и качнула головой. Что-то ледяное вскользь коснулось её плеча, и она едва не вскрикнула от ужаса. Обжигающий сквозняк растрепал её волосы. Где-то вдалеке угрожающе хлопнула дверь.

Тридцать три, тридцать два.

Алиса остановилась и, всё ещё не оборачиваясь, вытащила из сумочки ключ на огромном деревянном поплавке. Выронила – руки тряслись от волнения и страха.

Холодало. Сквозняк усиливался. Краем глаза, повернувшись к двери и засовывая непокорный ключ в искривлённую щель замка, которая необъяснимым образом смещалась по двери, с каждым мгновением меняя форму – краем глаза Алиса видела мечущиеся по стенам тени.

Ключ вошёл. Алиса крутанула его изо всех сил, едва не сломав, и после секундной заминки непокорный замок сдался. Она ввалилась в номер и тут же заперла за собой дверь.

Ни одна из ламп не горела, однако темнота мягко ложилась на пол и стены, на едва различимую в отсутствии света мебель. Алиса щёлкнула выключателем на стене и прикрыла глаза, когда разгорелся потолочный свет.

Какое-то время она настороженно прислушивалась к су-

мрачной тишине за дверью, а потом рассмеялась. Последний коктейль был лишним. Да. И предпоследний тоже.

Алиса добрела до кровати, обессиленно опустилась на неё, стащила туфли и посмотрела на поблёскивающий диск телефона. Она потянулась к трубке, но тут же отдёрнула руку.

Нет, сначала душ.

Клёкот горячей воды действовал успокаивающе. Ванную быстро затянул жаркий пар, а зеркало запотело. Алиса полезла в душ, как вдруг поняла, что не сняла платье.

Она снова рассмеялась.

Раздеться оказалось не так просто. Пальцы едва слушались, онемев от холода, а от сгущающегося пара было сложно дышать. Алиса подумала – с ней что-то не так, дело не только в «Голубой лагуне» и в этом странном вечере с авангардной музыкой и неожиданными танцами под старый патефон.

Стянув чулки, она подошла к кабинке. Из душевого крана с напором вылетал клокочущий кипяток. Так можно и свариться. Алиса почти до упора повернула синий вентиль смесителя и, подождав, пока не поредел пар, встала под бьющую струю воды.

Всё в порядке. Она пьяна. И устала. Завтра можно весь день проваляться в постели и никуда не выходить – разве что на обед. Вот если бы она могла уснуть и проспять всю неделю – до прибытия парома. И почему люди не спят так долго? Можно, правда, принять много снотворного. Целый флакон.

У управляющего наверняка есть – для гостей, которые никак не угомонятся по ночам. У управляющего наверняка есть. Долгий сон.

Алиса стояла, привалившись спиной к прозрачной стене кабинки, и размазывала косметику по лицу. Волосы спутались и свисали на плечи паклями. Она искала расчёску – маленькую и хлипкую, с тонким щербатым рядом зубчиков, – но на полочке у крана расчёски не оказалось. Утром расчёска точно была там. Алиса нахмурилась. Всё, как назло, пропадает в самый неподходящий момент. Она продолжала искать. Какие-то тяжёлые тюбики попадали на пол кабинки. Алиса наступила на что-то скользкое и чуть не упала. Неважно. Она найдёт расчёску потом. Это неважно. Алиса вдруг решила, что на лице ещё осталась размазанная тушь и принялась растирать мылом щёки, смывая последние воспоминания.

Ноги уже подгибались от усталости.

Она села напротив смесителя – вода из душевого крана ударила ей в лицо – и закрыла глаза. Непреодолимая слабость сковывала всё тело. Казалось, горячая вода – вместо того, чтобы взбодрить после насыщенного вечера – лишала остатка сил. Алиса ненадолго заснула, провалилась в обморочную пустоту и – испугалась. Она попыталась встать. Но руки соскальзывали со стен кабинки, ноги разъезжались по залитому мыльной пеной полу. Сумев наконец подняться, она выключила воду – всё вокруг тут же затянула тишина, –

и чуть не вывалилась из кабинки.

Полотенце.

Алиса едва держалась на ногах. Душ не помог.

Нестрашно, она позвонит ему завтра. Всё равно сегодня, скорее всего, не работает телефон. Во всём отеле. Во всём этом промёрзшем до костей мире не работает ни один телефон.

Но расчёски нигде не было.

Алиса сушила волосы полотенцем, думая о том, как будет выглядеть завтра по утру. Она усмехнулась. В запотевшем зеркале ничего нельзя было разглядеть, и она протёрла зеркало полотенцем.

Собственный вид её не испугал. Волосы, конечно, выглядели ужасно, однако следов туши на лице не оставалось – только губы теперь были бледными и бескровными, как у смертельно больной. Больной. Алиса смутилась. Разговор с банкиром и неловкий танец стали за мгновение неприятными воспоминаниями, вызывающими лишь стыд да ноющую в груди боль. Их хотелось прогнать подальше, в холодную ночь. Алиса смотрела на себя, вздыхая, и – будто не могла узнать. Чего-то не хватало. Что-то пугающе изменило её за последние часы – непоправимо, необратимо, как меняются люди, совершившие то, что уже нельзя исправить.

Серёжка!

Алиса схватилась за мочку уха. Одной серёжки не хватало. Но как? Где она могла её потерять?

Алиса накинула банный халат и выбежала из ванной.

В атриуме? В ресторане? Может, во время этого досадного танца под хрипящую музыку? Где-то в коридорах? В лифте? На берегу днём? Или же здесь, в номере, когда...

Алису трясло. Она осматривала пол у двери, ползая на коленях. Серёжки нигде не было. Она поднялась и уже начала открывать дверь из номера, но остановилась. Она чувствовала, как что-то ждёт её там, в коридоре – тьма, от которой она едва успела спастись, возвращаясь из ресторана.

Алиса зашла в спальню, села на кровать и закрыла лицо. Она не знала, что делать. Диск телефона по-прежнему заманчиво поблёскивал – цифра ноль затёрта чужими пальцами, – но звонить уже не имело ни малейшего смысла, ведь после произошедшего она точно не сможет услышать в трубке ничего, кроме хрипа помех.

Алиса заплакала.

Как она могла допустить такое? Почему это произошло? Швензы на серьгах такие надёжные – они не могли расстегнуться сами. Если только...

Алиса судорожно вздохнула и посмотрела на закрытую дверь. Она ошибалась. Времени осталось немного. То, что она видела в чёрном окне и те невозможные тени – страшные, как беспомощность – пронёсся ближе с каждым мгновением, с каждым вздохом. Скоро их не остановят ни свет, ни закрытые двери. А телефонная линия будет всё так же молчать.

Где-то далеко, за плотно закрытым окном, послышался угрожающий раскат. И вся комната закачалась в такт грому – зашатались тонкие стены, истерично замерцал светильник на потолке, дёрнулась, как от размашистого удара, входная дверь. Раскат повторился, зазвенели хрупкие стёкла. Казалось, весь остров распадается на части, раскалываются бетонные берега, и всё вокруг – похожая на музей гостиница, маяк, пальмы в кадках и тусклые фонари – уходит под чёрную воду.

Комнату пронизывало холодом, который не могли остановить даже стены. Алиса обняла себя за плечи и задрожала.

Ливень бил в стёкла. Лампа на потолке мигала, грозясь в любую секунду взорваться снопом искр и стеклянных осколков.

Алиса вскочила на ноги. Вся комната медленно переворачивалась, как при землетрясении, проваливалась в грохочущую тьму за окном. Алиса схватила трубку телефона и стала набирать номер. Диск заедал, а аппарат трещал так, словно вращение барабана переламывало на части его хрупкие, как высохшие хрящи, внутренности. Алиса ошиблась – перепутала цифру – и, ударив по рычагам, набирала снова, но теперь уже медленнее, стараясь успокоиться, несмотря на рёв проливного дождя.

В трубке прорезались гудки. Алиса ждала.

Вскоре вызов прекратился, и трубка раздражённо затрещала – кто-то наотмашь ударил по оголённым проводам. Че-

рез секунду треск сменился приглушённым дыханием.

– Это ты? – простонала Алиса. – Ответь мне, пожалуйста!
Это ты?

Дыхание участилось, из трубки уже доносился надрывный хрип, как у смертельно больного.

– Помоги мне! – заплакала Алиса. – Я не могу так больше!
Я не уверена... – Воздуха не хватало, и Алиса резко вздохнула. Слезы стекали у неё по щекам. – Я не уверена, что смогу дождаться!

Болезненный хрип оборвался, затих за окном гром, захлебнулся ливень – и всё вокруг накрыла тишина.

– Вас не было сегодня на завтраке?

Управляющий поприветствовал Алису деланной улыбкой. В атриуме ещё горело несколько торшеров – тусклым ржаным светом. Их стеклянные купола не успели остыть после ночи.

– Не здоровилось? – спросил управляющий и тут же спохватился, сообразив, что перебарщивает с намёками. – Многие жалуются, – добавил он. – Это всё из-за погоды. Наверняка. Резкие перепады давления, шторм. Сущее ненастье.

– Да, – сказала Алиса и облокотилась о стойку регистра­туры. – Я хотела вас кое о чём спросить. Дело в том, что вчера...

– Неплохое было представление, да? Помнится, вы даже допоздна засиделись. Как я рад, – управляющий резко втянул в себя воздух, шмыгнув носом, – как я рад, что мы можем хоть как-то разбавить всю эту непредвиденную серость.

– Я потеряла серёжку. – Алиса невольно коснулась мочки уха. – Маленькую, с сапфировым камнем. Наверное, она растегнулась, упала, затерялась где-то. Я в номере всё обыскала, но – нет. Наверное, в ресторане. – Она с надеждой взглянула на управляющего. – Вы не находили? Или, может, кто-то из ваших...

– Серёжка... – Управляющий надул щёки и покачал голо-

вой, старательно изображая досаду. – Как жаль, да. Часто теряются, наверное? Маленькие, расстёгиваются. Тут многие жалуются, что что-то теряют. Я давно предлагал отвести такую специальную комнатку, вроде бюро потерянных вещей, потерянных серёжек...

– Так вы не находили?

– Боюсь, что нет. Если только кто-нибудь из официантов. Они тут вечно что-нибудь да находят. Даже когда не просишь. – Управляющий хохотнул. – Но вы не волнуйтесь, я обязательно уточню. Не стоит расстраиваться из-за такой ерунды. Подумаешь, серёжка! Уверен, она обязательно найдётся. Не волнуйтесь, пускай это не омрачает ваш отпуск.

– Да уж, тут и без этого хватает мрачности.

– Не могу с вами не согласиться! Но над погодой мы, увы, не властны. Можем разве что компенсировать вам отсутствие солнца солнечными концертами на рояле! – Управляющий пробежался сальными пальцами по воображаемой клавиатуре. – Ночью, кстати, вообще лило, как из ведра. Да вы, наверное, слышали. Сейчас вот зато небольшая передышка. Антракт.

Управляющий показал кивком головы на потускневшие от грязи окна.

– Скоро станет совсем холодно? – спросила Алиса.

Она посмотрела сквозь дождевые разводы на тусклую аллею у гостиницы. После ночного ливня всё лишилось цвета. Непредвиденная серость. Остров затянул туман, как на ста-

рой фотографии.

– Боюсь, что да. Если мне не изменяет память, обещают чуть ли не...

– Понятно. Так вы спросите про серёжку? Она очень мне дорога.

– Конечно, конечно! Считайте, что серёжка уже нашлась! С маленьким бриллиантом, правильно?

– С сапфиром.

– С сапфиром, точно! – Управляющий шлёпнул себя ладонью по лбу. – Но как я уже сказал – не волнуйтесь! Мы найдём все потерянные серёжки – и с сапфиром, и без сапфира.

Управляющий захихикал, и его пунцовое лицо стало похоже на жабью морду.

– Очень на вас надеюсь, – сказала Алиса.

Она всё ещё стояла у стойки, и управляющий почему-то занервничал.

– Вы хотели что-то ещё?

– Нет. – Алиса снова посмотрела в серые окна. – Я, пожалуй, немного прогуляюсь.

И натянула на плечи спадающую шаль.

– Не могу сказать, что рекомендую прогулки в такую погоду, но, с другой стороны, в ближайшие дни, возможно, и вовсе не получится выйти.

– Это воодушевляет, – Алиса уже направилась к выходу, как вдруг вспомнила: – А телефон? – спросила она, обернув-

шись. – Вы говорили, что скоро всё наладят, но по-прежнему не работает телефон.

– Боюсь, пока не могу вас обрадовать, – поджал губы управляющий. – Тут, как и с погодой. Не всё в нашей власти. Но вы не волнуйтесь, скоро связь обязательно наладится. Быть может, ещё день или два.

– Вы говорили, что это вопрос нескольких часов.

– Не всё в нашей власти! – всплеснул руками управляющий. – Не подумайте только, что мы перестали заниматься этой проблемой. Но всё оказалось несколько сложнее, и я...

– Мне должны позвонить!

– Я понимаю, но поймите и меня. Столько проблем с этим штормом. Ведь нужно за всем следить, проверять номера. Гости постоянно жалуются, и, поверьте мне, – управляющий прижал к груди руку, – я их абсолютно понимаю. Но никто ведь не мог предугадать. И ведь мы делаем всё, что в наших силах. Мы рассматриваем все жалобы, очень внимательно рассматриваем, ищем, – глаза управляющего сузились, – потерянные вещи. На всё рук не хватает, но телефонная связь будет, я обещаю.

– Когда?

– Возможно, уже скоро. Уже сегодня вечером, например. Два дня – это, если хотите, крайний срок! Естественно, мы постараемся как можно раньше. Мы же прекрасно понимаем, в какой ситуации...

– Я поняла.

– Кстати, не задерживайтесь на прогулке. Мы начнём сервировать уже через час. А пропускать обед всё же не стоит.

Алиса не ответила.

Управляющий продолжал говорить, но она уже не слушала. Она попрощалась с ним кивком головы и вышла из гостиницы.

8

Остров встретил её ураганным ветром. Шаль едва не слетела с плечей. На секунду Алисе показалось, что ветер несёт со стороны океана мелкие кусочки льда – острые осколки на головокружительной скорости летят в воздухе. Она замерла, собираясь с силами – холод вызывал почти физическую боль – и, придерживая шаль, зашагала навстречу ветру.

Идти на пристань не было ни малейших причин, но всё же Алиса шла, не оглядываясь, ускоряя по мере сил шаг. Как будто он ждал её на берегу. Паром прибыл вопреки тропическому урагану, опоздав лишь на день. Одинокая фигура её возлюбленного, его знакомые угловатые плечи, маленький дорожный чемодан у ног, растрёпанные ветром волосы, поднятая козырьком ладонь. Штормовые порывы едва не сносят его в океан, но он стоит, покачиваясь, вместе со своей растянувшейся по всей пристани тенью, упрямо вглядываясь вдаль.

Он ждёт.

Когда Алиса уже приближалась к пристани, ураган прекратился, безумные тени застыли на асфальте, и её окружила невозмутимая тишина.

Она остановилась.

В воздухе чувствовался холод ледяного ветра, однако всё вокруг застыло в мертвенном оцепенении, и это испугало

Алису больше, чем разгорающийся шторм.

Пустынная пристынь тонула в серости. Ночной ливень смыл все следы человеческого присутствия. Невозможно было поверить, что день назад кто-то читал здесь книгу, сидя на колченогой скамейке, что недавно у пирса стоял огромный паром, а на бетонных берегах толпились приезжие – радостные, громкие, в ярких летних одеждах.

Алиса вздохнула – воздух всё так же пьянил, пронизывал холодом, – и вышла на пирс. Ей хотелось увидеть материк – хотя бы тень, далёкий призрак, надежду на то, что есть ещё что-то, кроме бесконечного океана. Но не было ничего. Только гладкое, как лёд, полотно замерзающей воды и темнота, которая сгущалась у горизонта – когда силы глаз уже не хватает на то, чтобы разглядеть чернильные отливы грозового неба и редкие отблески света, рассеянного в кристальной воде. Где-то далеко, за десятки миль от берега, всё сливалось в одно слепое пятно, в огромную тень.

Тень росла и вздымалась, отравляя небо. Зашумели пальмы, поднялся ветер. Закружилась на пристани пыль.

Холод раздирал кожу. Алиса сжимала окоченевшими пальцами плечи, пытаясь удержать тепло, убывающее с каждым вздохом.

Что-то надвигалось со стороны океана.

Алиса быстро зашагала прочь от пирса. Ветер теперь дул ей в спину, едва не сбивая с ног, а волны с рёвом разбивались о каменную пристань – всё отчётливее и сильнее, как

бы быстро она ни шла. Пробудившийся океан преследовал её, неумолимо нагоняя.

Алиса побежала.

Огромная тень надвигалась из-за горизонта.

На мгновение всё заволокло темнотой, а потом вспыхнули подсвеченные электрическим разрядом тучи, и над головой прокатился тяжёлый, размноженный эхом гром.

Алиса споткнулась и упала. Она успела вовремя выставить руки и не расшиблась, однако, поднявшись, вдруг почувствовала, как что-то ледяное коснулось её плеча.

Она снова побежала. Она боялась обернуться.

Гостиницы впереди было не видно – наверное, в спешке Алиса свернула не туда, – а узкая дорожка в окружении слепых фонарей закончилась внезапно, как на полуслове, словно её забыли довести до предполагаемого конца.

Алиса оказалась на пустыре, поросшем редкой выцветшей травой. Перед ней высилась хлипкая металлическая изгородь, которая качалась в нервных порывах ветра. Темнота смыкалась над Алисой, подобно куполу. Алиса бросилась вперёд – туда, где ещё виднелись последние островки света. Она уже слышала чьё-то рваное дыхание за спиной. Ветер, сменивший направление, теперь дул навстречу, сбивая с ног и обдавая холодом. В небе вновь что-то сверкнуло, и Алиса зажала уши, чтобы не слышать раскатов грома. Шерстяная шаль слетела с плечей. Алиса дёрнулась, попытавшись поймать её, но не успела и – обернулась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.